

*Философия***АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ НАЧАЛО
В СОЦИОГУМАНИТАРНОЙ НАУКЕ
СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ****Билалов М.И.**

Антропологическое начало науки как принцип в условиях сегодняшней отечественной науки реализуется в социально-личностной активности каждого ученого, ответственности научного сообщества за настоящее и будущее науки, культуры и образования в России. Основной характерной чертой научной интеллигенции во все времена является ее способность к духовному производству, теоретическому наращиванию содержания всех форм общественного сознания. Естественнаучное и социогуманитарное, философское и научно-техническое творчество – основные проявления и вехи прогрессирующего человеческого интеллекта.

Настоящее испытание выпадает социогуманитарной научной интеллигенции в периоды социальных перемен, эпохальных исторических переходов и особенно во времена кризисов, подобных российским «реформам» последних десятилетий. В обновляющейся российской интеллигенции наблюдались массовые метаморфозы, приведшие вчерашних атеистов в служители православия и ислама, идеологов марксизма – в ряды теоретиков либерализма, превратившие поборников интернационализма в ярых националистов, бесребреников – в новых русских и т.п. В результате произошло, с одной стороны, упорядочение и очищение рядов научной интеллигенции от значительного числа «попутчиков», которым открывшиеся широкие возможности проявить себя в иной сфере (соблазны политической карьеры, экономического благополучия, работа за границей и т.п.) позволили отвлечься от вышеназванных функций полностью или оставить их по совместительству. С другой стороны, сократившееся в одно время до предела число даже элитной интеллигенции, в последние несколько лет увеличивается невиданными ранее темпами, что, может быть, факт тревожный, нежели отрадный. Не секрет, что не только в образовании, здравоохранение, правоохранительные органы, но, к сожалению, и в научную среду, повалила малоподготовленная и даже полуграмотная конъюнктурная молодежь. В ряды интеллигенции влились целые группы (коммерсанты, банкиры, политики и т.п.), умеющие быть не только культурными и деликатными, но

и претендующие на научную состоятельность с соответствующим дипломом в кармане, т.е. способные имитировать некоторые исконные качества интеллигенции. В результате интеллигенция теряет свою нравственную исключительность, перестает быть аристократией духа, все более заражается примитивным приспособленчеством.

Такие неблагоприятные перемены отрицательно сказались и на деятельности научного сообщества Дагестана. Сошлемся только на назначение научной элиты быть генератором идей, отражающих общественные перспективы. Сегодня наша академическая и вузовская наука по ряду объективных и субъективных причин не содействует переходу республики к инновационной экономике – не разработана региональная научно-техническая политика, не иницируется ее нормативно-правовая база, не сосредоточены усилия на прорывных наукоемких технологиях и т.п. Говоря о научно-гуманитарной интеллигенции, надо учесть, что она слабо выполняет функции творческой, воспитательной и революционной активности. Как мыслящая часть общества, она призвана постичь самосознание народа, сформулировать его национальную идею, а как поборник справедливости – служить посредником между народом и властью и т.п.

Но наши экономисты и гуманитарии плохо представляют вектор общественного развития Дагестана. Иждивенчески полагаясь, как и другие социальные группы, на федеральный центр в выборе и обосновании путей социального прогресса, мы недостаточно активны в формулировании национальной идеи и в формировании государственной идеологии, в поиске региональной модели гражданского общества, в осмыслении этнических проблем в условиях глобализации, в разработке системы воспитания подрастающего поколения... Отчасти это связано с тем, что отказ от марксистской методологии обернулся для многих наших теоретиков творчески беспомощным эклектическим сочетанием элементов материалистической диалектики с национально-религиозными идеями. Так что говорить о некогда неоспоримой легитимации научных исследований можно тогда, когда общество признает «права науки на формирование целей общественного развития» [1, 388], философы и политологи будут подключены в формирование реальной политики государства.

Гуманитарная интеллигенция республики не справляется в наших вузах с качественным

преподаванием соответствующего блока дисциплин. Интерес студентов к получению этих знаний невысок, хотя экономические и юридические факультеты имеют самый высокий абитуриентский конкурс. Студенты и аспиранты плохо представляют прошлое, настоящее и будущее нашего Дагестана, не проявляют системный подход к анализу общественной жизни, не понимают механизмов управления ею, искажают ее структурные связи и движущие силы, не осведомлены о важнейших социальных институтах, о процессах изменения, прогресса, модернизации, глобализации, о социальных ролях личности, ее социализации, о взаимосвязи этнокультур, субкультур, контркультур и т.п. Не лучше разбираются во всем этом и недавние выпускники – подавляющее большинство госслужащих, депутатов разных уровней, руководителей органов власти и хозяйств, учителя и педагоги, естественнонаучная и гуманитарная интеллигенция.

Основные принципы и нормы этики науки – организованный скептицизм, всеобщность, универсализм, бескорыстность и др. – нашими гуманитариями не усвоены и не освоены, зачастую попираются. Установка на предельную самокритичность в оценке своих достижений, на рассмотрение их как продукта социального сотрудничества, ставшего всеобщим достоянием, ставка в научном творчестве на исключительно общие правила и критерии обоснованности, доказательности знания, готовность согласиться с любыми хорошо обоснованными аргументами, даже если они противоречат собственным убеждениям и т.п. вот уже полтора-два столетия составляют ядро этоса европейской науки. В Дагестане он осваивался с трудом даже в советский период управляемого и направляемого развития науки, поскольку его нормы восходят к протестантской этике, к комплексу ценностей пуританства ХУП века – полезности, рациональности, индивидуализму, антитрадиционализму и т.п. идеалам, несвойственным мусульманскому духу и кавказскому менталитету. А в нынешней обстановке произвола и вакханалии в образовании и науке ее этике по существу нет объективной подпитки и субъективной воли.

В частности, не способствуют становлению нормальной этики научного сообщества и характерные психологические качества дагестанцев – горячность и категоричность вместо вдумчивости и сомнения, упрямство и крайности вместо упорства, последовательности и умеренности, амбициозность и поверхностность вместо интеллектуальной скромности и подлинной образованности. Не скупаемся мы в оценке научного

наследия на эпитеты застольных тостов – все у нас «видные» и «выдающиеся», мало кого волнует, что о них в запредельной от республики науке мало кто и слышал, не то, что читал или ссылался.

Зато в дагестанском научном сообществе заведный стимул получили новые и старые контрнормы этики ученого. Скажем, не чужды и многим представителям дагестанской научной интеллигенции партикуляризм, местничество, пристрастность оценок, организованный догматизм в защите точки зрения группы ученых – все они давно нашли благодатную почву в условиях этнической пестроты, тухумной спаянности, партийного подобострастия и были взяты на вооружение в виде устойчивых средств и методов достижения признания и высот в науке многими дельцами от науки и образования, в том числе и ныне почивающими на лаврах. Некогда святой для республики национальный принцип расстановки научных кадров зачастую применяется кощунственно – разве что для травли компетентного специалиста. Нередко конфликты в дагестанской науке, вопреки ее духу и механизмам функционирования (открытого оппонирования, защиты, доказательства и т.п.), имеют скрытые формы.

Весьма негативным образом отразилось на этике научного сообщества, во всяком случае, Дагестана и несомненное достижение постсоветской России – обретение учеными творческой и мировоззренческой свободы. «Такая свобода, – как правильно констатирует исторические тенденции в науке Е.А. Мамчур, – является величайшей ценностью в науке» [2, 381]. Однако свобода эта понята превратно. Раскованная учительская и вузовская интеллигенция смело перешагнула зыбкую грань морали и права и ныне широко культивирует должностные преступления – плодит неграмотных выпускников, необразованных кандидатов и докторов наук, которые, с одобрения «новой этики», беспардонно теснят заслуженных в науке и педагогике людей в руководстве кафедрами, факультетами и вузами. Окрыленные легко добытыми научными регалиями руководители разных мастей почувствовали себя равными с академическими учеными и все чаще обнаруживают в себе «генетические» педагогические призвания. Растет число экономистов, юристов, историков и т.п., совмещающих высокие чиновничьи должности с руководством вузовскими подразделениями, а также занимающих их после ухода на пенсию с госслужбы.

К специфическим негативам дагестанской научной элиты относится и то, что даже в крити-

ческие для республики годы религиозного противостояния наши обществоведы «не поймали» момент истины – всей их теоретической мощи в борьбе традиционного дагестанского ислама с ваххабизмом (скорее, с воображаемым ваххабизмом) хватило только на «обоснование» политических утверждений о его экстремистском характере, связях с международным терроризмом, на критику лозунгов джихада за установление исламской власти и т.п. При этом сознательно или по незнанию извращалась суть ваххабизма, как-то в тени оставалось то, что все суфийские тарикаты, исторически культивируемые мусульманами Северного Кавказа, как известно, далеки от ортодоксального ислама, скорее, его сектантская ветвь. Есть и другие теологические и религиоведческие проблемы, которые отданы на откуп дилетантам и в которых ясность не помещала бы широкому общественному сознанию. И если не в подобной общественно-политической ситуации, то когда соответствующие специалисты-ученые проявят себя как личности? А ведь антропологическое начало науки как принцип в условиях сегодняшней науки все ярче обнаруживает себя «в качестве особого параметра динамических изменений как инструментов исследования, так и области исследования» [2, 307].

Приведенные здесь несколько примеров, иллюстрирующих, на мой взгляд, слабости функций дагестанской социогуманитарной интеллигенции, ее отступление от своих подлинных назначений и обязанностей, далеко не замыкают список. Можно было бы говорить и о неумении публицистически доводить свои идеи до людей, о недостойных интеллигенции мелких националистических разборках ее некоторой части и т.п. И такая критическая самооценка только бы и возвышала достоинства и подчеркивала подлинные преимущества интеллигенции перед другими социальными слоями.

Конечно, злободневные задачи дагестанского (и российского) научного сообщества должны быть не только востребованы, но и стимулированы и управляемы. Те же научно-исследовательские разработки осуществляются сегодня бессистемным, порой случайным финансированием различного рода государственными, коммерческими, общественными организациями и частными лицами, общий вектор интересов которых не всегда подчинен региональной и республиканской эффективности. И если в сфере естественнонаучного и технического знания такая ситуация отражается на экономическом и технологическом развитии, то «бесхозность» гуманитарной науки, точнее ее откровенная зависимость от фондов Сороса, Карнеги и научных

грантов Юнеско, Совета Европы и т.п. затрагивает само будущее страны, идейные ориентиры воспитания молодого поколения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шаповалова Л.В. Условия легитимации науки в современном обществе // Наука. Философия. Общество. Материалы V Российского философского конгресса. Том 1. – Новосибирск: Параллель, 2009.
2. Мамчур Е.А. Образы науки в современной культуре: монография. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2008.
3. Ярославцева Е.И. Антропологическое начало науки // Наука. Философия. Общество. Материалы V Российского философского конгресса. Том 1. – Новосибирск: Параллель, 2009.

ЗАКОНОМЕРНОСТИ ПОТРЕБЛЕНИЯ ЦЕННОСТЕЙ И ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЕ АВТОКОЛЕБАНИЯ. РОЛЬ МОДЫ В ПОТРЕБЛЕНИИ ЦЕННОСТЕЙ

Оганян К.М.

*ГОУ ВПО «Санкт-Петербургский
государственный
инженерно-экономический университет»*

Когда общество достигает этого состояния, возникает проблема биологического выживания: в этой ситуации большинству обитателей такого общества уже не до идеалов. Духовный кризис вплотную подводит идеологическое общество к пересмотру самой постановки проблемы «смысла жизни». Теперь «смысл жизни» усматривается не в производстве некоторой ценности предполагающем служение какому-то идеалу, а в простом *выживании*. Но это значит, что «смысл жизни» человека сводится к смыслу жизни животного с той только разницей, что у человека этот смысл осознается, а у животного нет. Ведь «смысл жизни» той или иной особи, как хорошо и давно известно, состоит в ее самосохранении, что предполагает наличие инстинктов страха перед смертью (танатидо) и продолжения рода (либидо) – инстинкта размножения (продолжения себя в потомстве).

Редукция «смысла жизни» к биологическому выживанию означает поворот в решении экзистенциальной проблемы на 180°: «смысл жизни» теперь усматривается не в служении идеалу жизни, а «*в самой жизни, ибо жизнь – самоценность*» (линия Эпикура-Ламеттри). С точки зрения такой философской установ-